
НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное под редакціей П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, 1880—1881, Исаковъ. Томы: второй, третій, четвертый и пятый.

При появленіи перваго тома новаго изданія сочиненій Пушкина мы высказали нашъ взглядъ на это изданіе, на сколько такой взглядъ могъ тогда сложиться. Изданіе продолжало идти своимъ чередомъ. Во второмъ и третьемъ томѣ помѣщены стихотворенія съ 1825 по 1830 и съ 1831 по 1836 годъ; въ четвертомъ и пятомъ томахъ заключаются прозаическія сочиненія Пушкина. Шестой томъ („исторія Пугачевского бунта“) вышелъ уже ранѣе, одновременно съ первымъ. Въ дополнительномъ (седьмомъ) томѣ предполагается собрать и издать „Отрывки изъ писемъ Пушкина, цѣлыя письма, нѣкоторыя официальныя просьбы поэта и разныя мелкія замѣтки“. Изданіе закончено. Можно подводить итоги.

Итоги эти съ точки зрѣнія потребностей къ сожалѣнію неудовлетворительны. Послѣ долгаго промежутка времени, въ продолженіе котораго сочиненія Пушкина совсѣмъ почти исчезли изъ продажи и приобрѣтались не иначе какъ случайно и за тройную цѣну, послѣ этого печальнаго и долгаго промежутка мы получили изданіе почти совершенно непригодное для громаднаго большинства публики. Изданіе это таково

что если г. Исаковъ, единственный въ настоящее время владѣтель права на печатаніе сочиненій Пушкина, дѣйствительно желаетъ удовлетворить потребностямъ русскихъ читателей, то ему предстоитъ немедленно же, не разбирая типографскаго набора, вновь издать три первые тома, то-есть стихотворенія Пушкина. Ибо не слѣдуетъ „мудрствовать лукаво“ тамъ гдѣ дѣло очевидно и просто. Издатели „перемудрили“ и въ результатѣ получилось нѣчто неудовлетворяющее ни простымъ потребностямъ публики, ни спеціальнымъ потребностямъ „пушкинистовъ“.

Въ чемъ состоятъ потребности публики? Онѣ чрезвычайно просты и несложны. Въ каждомъ русскомъ домѣ должны быть сочиненія Пушкина. Еслибъ издатели смотрѣли на дѣло съ этой точки зрѣнія, единственной правильной въ то время когда затѣвалось это новое изданіе и когда въ Россіи не было возможности достать сочиненія лучшаго русскаго поэта, въ то время какъ ему воздвигался памятникъ, то они поступили бы какъ разъ наоборотъ тому что они сдѣлали. Они сказали бы себѣ что если задача состоитъ въ томъ чтобы сдѣлать сочиненія Пушкина доступными всѣмъ и каждому, чтобы снова открыть его чудному поэтическому слову доступъ въ каждый русскій домъ, то для этого слѣдуетъ дать каждому то что ему нужно. Въ бібліотекѣ каждой образованной русской семьи должно стоять полное собраніе сочиненій Пушкина. Пусть издатель дастъ намъ такое полное собраніе. Но пусть издатель не забываетъ что семья состоитъ изъ стариковъ и дѣтей, изъ взрослыхъ и подрастающихъ, что въ семьѣ есть женщины и дѣвушки, есть учащаяся молодежь. Самъ Пушкинъ ужаснулся бы увидавъ на семейномъ столѣ свои стихотворенія въ той хронологической группировкѣ которая придана имъ въ новомъ изданіи. Въмѣсто того чтобы читать рядъ законченныхъ и зрѣлыхъ произведеній великаго поэта, мы принуждены съ трудомъ *отыскивать* дѣйствительнаго Пушкина, *нашего* Пушкина, среди искусственно созданнаго (ради хронологіи) хаоса различныхъ приемованныхъ бездѣлокъ, о которыхъ самъ поэтъ никогда не думалъ чтобы онѣ появились въ собраніи его сочиненій, которыя онъ не допустилъ бы напечатать, отъ которыхъ онъ покраснѣлъ бы самъ. Мы употребляемъ выраженіе „приемованныя бездѣлки“ единственно изъ уваженія къ памяти великаго поэта. На самомъ дѣлѣ множество изъ этихъ мелочей не достойно

никакого имени; *ça n'a pas de nom*, говорятъ Французы, и мы хорошо понимаемъ что значить это выраженіе, читая, напри- мѣръ, эпитафію „духовнику тетушки“:

Не памятникъ, а диво:
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ полъ,
Въ полѣ вино и пиво.

Черезъ нѣсколько страницъ слѣдуетъ „экспромтъ во Псков- ской гостиницѣ“:

Господишь фовъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ:
Вы такой же рестораторъ,
Какъ великій губернаторъ.

Рядомъ съ этимъ нѣсколько стиховъ „изъ письма къ кня- зю Вяземскому“:

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю: сижу орломъ
И болень праздностью повосной...

А черезъ нѣсколько страницъ идетъ *Борисъ Годуновъ*. Уже- ли издатели не хотѣли понять что они только *унижаютъ* великаго поэта, намѣренно печатая подъ однимъ годомъ *Бориса Годунова* и вышелприведенные стихи? Ужели дума- ютъ они что *эти* стихи необходимы для характеристики Пушкина? Что картина его творческой дѣятельности въ 1825 году, году созданія *Бориса Годунова*, была бы не полна безъ приведенія *этихъ* стиховъ? Ужели полагаютъ они что возможно приобрести для *семьи* такое изданіе гдѣ чуть не на каждой страницѣ, съ quasi-литературными цѣля- ми, напечатаны вещи которыя прежде декламировались толь- ко въ мужской компаниі и переписывались „любителями“ въ особыхъ тетрадкахъ? Для семейнаго чтенія новое изданіе г. Исакова совершенно непригодно. Ему закрытъ доступъ въ семейную библіотеку. Этого ли требовалось достигнуть? И между тѣмъ какъ просто открывался ларчикъ! Какъ легко было составить *полное* собраніе сочиненій Пушкина, въ кото- рое вошелъ бы весь матеріалъ находящійся теперь въ трехъ первыхъ томахъ новаго изданія г. Исакова, и которое тѣмъ же менѣе съ радостію было бы встрѣчено каждою русскою семьей! Для этого стоило только выдѣлить въ особый томъ

всѣ такъ-называемыя „лицейскія“ стихотворенія Пушкина и всѣ тѣ „бездѣлки“ которыя теперь такимъ безотраднымъ пятномъ выступаютъ на хронологической канвѣ. Особая хронологическая таблица указывала бы мѣсто каждого стихотворенія въ хронологической послѣдовательности сочиненія. Особый дополнительный томъ стихотвореній лежалъ бы подъ ключемъ въ особомъ шкафу. Семья олять получила бы Пушкина, дѣйствительнаго Пушкина, великаго русскаго поэта, великаго русскаго художника. Она не получаетъ его теперь.

Но мы идемъ далѣе. Г. Исаковъ *единственный* владѣлецъ права на изданіе сочиненій Пушкина. Онъ *одинъ* во всей Россіи держитъ теперь въ рукахъ ключъ отъ твореній Пушкина и въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ отъ г. Исакова будетъ еще зависѣть давать намъ Пушкина или нѣтъ. При такихъ условіяхъ на издатель лежитъ серіозная нравственная отвѣтственность. По его винѣ въ Россіи ко дню открытія памятника Пушкину не только не было сдѣлано *юбилейнаго* изданія, но русскіе люди вообще не имѣли въ рукахъ сочиненій Пушкина. Много ли измѣнилось это положеніе съ новымъ изданіемъ?

Мы видѣли что новое изданіе не годится для семейной библіотеки, то-есть для громаднаго большинства читающаго русскаго общества. Изданіе это точно также и по тѣмъ же причинамъ не годится для раздачи нашему учащемуся юношеству, нашимъ сыновьямъ и дочерямъ въ видѣ награды на публичныхъ актахъ учебныхъ заведеній, въ видѣ подарка на елку, въ день именинъ или рожденія. Не годится, ибо ни одинъ здравомыслящій педагогъ, ни одинъ благоразумный отецъ, ни одна чуткая мать не рѣшатся дать своимъ дѣтямъ наиболѣе изящнаго, наиболѣе художественнаго и благороднаго русскаго поэта въ томъ *debraillé* въ какомъ онъ представляется въ новѣйшемъ изданіи. Цѣлыя десятки помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній имѣютъ смыслъ исключительно біографическій, историко-литературный, имѣютъ смыслъ лишь для анекдотической исторіи русскихъ нравовъ и быта русской интеллигенціи извѣстной эпохи. Вырванныя изъ этой объясняющей, причинной связи, стихотворенія эти утрачиваютъ всякій смыслъ и всякое значеніе. Вносить ихъ въ собраніе *сочиненій*, насильственно втискивать ихъ хронологическими клиньями между дѣйствительныхъ, великихъ и

художественныхъ произведеній великаго поэтическаго гѣнія, это значитъ, говоря словами русской пословицы, вносить ложку дегтя въ бочку меда. И не одну ложку, а нѣсколько. Мало ли экспромтовъ, мало ли речемованныхъ каламбуровъ, мало ли—будемъ называть вещи по имени—пошлостей могло вырваться у Пушкина. Развѣ слѣдуетъ изъ этого что всѣ подобныя вещи должны быть причисляемы къ его *сочиненіямъ*?

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погружень.
Молчитъ его святая лира,
 Душа вкушаетъ хладный сонъ
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
 Быть-можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Такъ говорилъ самъ Пушкинъ про поэта и несомнѣнно подразумѣвалъ здѣсь самого себя, сурово и строго проводя грань между высокимъ поэтическимъ творчествомъ и суетною повседневною жизнію среди которой создавались различные экспромты, замѣтки въ альбомахъ (*amour exil—какая гиль*, т. 2, стр. 256) и т. д. Если насъ, взрослыхъ и вполне сложившихся людей, невольно охватываетъ тоскливое чувство при перелистываніи изданія гг. Исакова и Ефремова, то каково же должно быть впечатлѣніе которое произведетъ такое изданіе на молодую душу, еще неспособную къ спокойному критическому отношенію, къ критической объективности, къ спокойной справедливости. Такой юный читатель разумѣется прежде всего съ жадностію кинется узнавать то что ему неизвѣстно еще въ Пушкинѣ. Онъ прежде всего начнетъ отыскивать тѣ стихотворенія про которыя онъ слышалъ какъ про нѣчто „запретное“ и дѣйствительно найдетъ ихъ щедрою рукою разсыпанными по новѣйшему изданію. Намъ кажется что мы не ошибемся въ нашемъ предсказаніи относительно результатовъ такого чтенія. Поэтическій образъ Пушкина замутился и лотемвился въ молодой душѣ. Что не годится для семьи, то не годится и для школы. Изданіе гг. Исакова и Ефремова не соответствуетъ потребностямъ домашней бібліотеки точно также какъ не соответствуетъ оно потребностямъ слагающейся бібліотеки гимназиста, институтки, вообще всѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній.

Быть-можетъ изданіе это вноситъ новый свѣтъ въ Пушкинскую критику? Быть-можетъ оно снабжено интересными объясненіями и примѣчаніями? Быть-можетъ оно, наконецъ, представляетъ особую заслугу уже тѣмъ что дѣлаетъ собраніе сочиненій Пушкина доступнымъ всѣмъ по своей дешевизнѣ? Мы принуждены отрицательно отвѣтить на всѣ эти вопросы. Прежде всего это не есть изданіе *доступное*, ибо стоить, безъ переплета, 10, 15 и 20 рублей, смотря по бумагѣ. Съ переплетомъ самое дешевое изъ этихъ трехъ изданій, изданіе десятирублевое, обойдется рублей въ четырнадцать, и множество людей, уже по одному этому, лишены возможности его приобрести, тогда какъ за рубль могутъ купить полное собраніе сочиненій Шиллера. Новое изданіе Пушкина не есть изданіе снабженное объясненіями. Издатель и редакторъ съ гордостью указываютъ лишь на то облегченіе которое создано ими для „выясненія литературной личности великаго поэта“ черезъ простое хронологическое размѣщеніе его произведеній. Мы думаемъ что если они рѣшили уже хронологически разставлять сочиненія Пушкина чтобы не подчиняться „школьному распредѣленію по родамъ поэзіи,“ то можно было бы сдѣлать еще шагъ и, не подчиняясь также и школьному распредѣленію рѣчи на поэзію и прозу, внести въ отдѣлъ стихотвореній всѣ прозаическія замѣчанія Пушкина о Кавказскомъ Пльаникѣ, Русланѣ и Людмилѣ, Графѣ Нулинѣ, Борисѣ Годуновѣ и такъ далѣе. Тогда можно было бы по крайней мѣрѣ поручиться что всѣ эти отрывки Пушкинскои „прозы“ прочтутся дѣйствительно, прочтутся вовремя и у мѣста. Это былъ бы опытъ комментарія Пушкина имъ же самимъ, ибо чтѣ же дѣлать если до настоящаго времени никакъ не соберутся комментировать его другіе. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ маленькимъ стихотвореніямъ, во вступленіяхъ, такъ-называемыхъ *notices* или *Einleitungen*, къ большимъ произведеніямъ можно было бы помѣстить наиболѣе замѣчательные критическіе отзывы современниковъ и послѣдующихъ затѣмъ школъ русской критики о каждомъ отдѣльномъ произведеніи. Можно было бы указать въ примѣчаніяхъ какія изъ произведеній Пушкина, когда и кѣмъ переведены на иностранные языки. Можно было бы привести рядъ интересныхъ параллелей для выясненія постепеннаго развитія пушкинскаго стиха, его вліянія и значенія. Можно бы... но мы уклоняемся отъ изданія г. Исакова.

Изданіе это снабжено только „библіографическими примѣчаніями“ приложенными къ концу каждаго тома. Мы касались ихъ уже по поводу перваго тома и не имѣемъ ничего прибавить къ ихъ дальнѣйшей характеристикѣ. Г. Ефремовъ сознается (томъ V, стр. 520) что примѣчанія *мало кѣмъ читаются*. Въ надеждѣ на это онъ постарался сдѣлать ихъ неимоверно скучными. Они исключительно состоятъ изъ такъ-называемой „рецензіи“ текста, различныхъ соображеній о дняхъ, мѣсяцахъ и годахъ, счета строфъ и безпрестанныхъ упрековъ г. Анненкову за то что сей послѣдній не „доглядѣлъ“, „просмотрѣлъ“, „исказилъ“ и т. д. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что г. Ефремовъ потратилъ множество времени и труда на просмотрку различныхъ текстовъ и на тысячи справокъ, результатомъ которыхъ являются его библіографическія примѣчанія. Не подлежитъ сомнѣнію что всѣ эти справки дѣлались чрезвычайно добросовѣстно. Но мы никакъ не можемъ отдѣлаться отъ мысли что весь этотъ трудъ подъятъ почти задаромъ, точно также какъ вообще было совершенно безцѣльно все *это* изданіе Пушкина. Читатели припомнятъ, быть-можетъ, изъ нашего отзыва о первомъ томѣ что въ распоряженіи г. Ефремова не было „драгоценныхъ“ рукописей которыми пользовался г. Анненковъ при своемъ изданіи. Другія по видимому совершенно неизвѣстныя еще рукописи доставлены родственниками поэта въ Москву по случаю открытія памятника Пушкину и теперь находятся на просмотрѣ у г. Бартевева, который только однимъ имѣетъ къ нимъ доступъ. При такихъ условіяхъ по меньшей мѣрѣ *преждевременно* устанавливать текстъ; въ различныхъ мѣстахъ примѣчаній у г. Ефремова вырываются невольные стоны по рукописямъ, стоны которые мы очень хорошо понимаемъ, но которые, по нашему мнѣнію, доказываютъ лишь одно: несвоевременность предпріятой задачи и отсутствіе прочной почвы на которую могъ бы опереться трудъ. Мы подробно останавливались на этомъ вопросѣ въ нашей первой статьѣ и не будемъ повторять сказанное нами прежде. Новое изданіе сочиненій Пушкина не можетъ имѣть серьезнаго значенія для пушкинской критики. Нельзя не замѣтить при этомъ что г. Ефремовъ въ нѣкоторыхъ своихъ примѣчаніяхъ оставляетъ многого желать въ смыслѣ доказательности своихъ

утвержденій. Такъ, напримѣръ, относительно печальнаго четверостишія *Эпитафія духовнику тетушки* г. Ефремовъ ограничивается замѣчаніемъ: *несомнѣнно принадлежитъ Пушкину*. Признаемся, мы желали бы въ этомъ сомнѣваться и при всемъ уваженіи къ познаніямъ г. Ефремова нисколько не убѣждаемся его утвержденіемъ. Мы можетъ и повѣрили бы этому утвержденію еслибы самъ ученый критикъ не вселилъ въ насъ нѣкоторыхъ колебаній. Такъ въ *поправкѣ* ко 2му тому, помѣщенныхъ въ томѣ 5мъ (стр. 459), мы встрѣчаемъ слѣдующую „поправку“:

„Насъ *утѣряли* что опущенная нами изъ 1827 года эпитаграмма принадлежитъ не Соболевскому, а дѣйствительно Пушкину:

Черна какъ галка,
Суха какъ палка,
Увы, весталка,
Тебя мнѣ жалко.

Сопоставимъ слово *поправка* со всѣмъ слѣдующимъ. Что получится въ результатѣ? Получится то что мы должны взять перо и въ соответственномъ мѣстѣ втораго тома внести подъ 1827 годомъ стихотвореніе „черна какъ галка“. На чемъ основана эта *поправка*? На томъ что г. Ефремова *утѣряли*. Въ другомъ мѣстѣ, въ примѣчаніи къ стихотворенію *Въ альбомѣ* („Гонимый рока самовластьемъ“) г. Ефремовъ заявляетъ что „стихотвореніе это помѣщено въ VII томѣ изданія г. Анненкова безо всякихъ поясненій: откуда оно взято, *почему приписывается Пушкину* и къ кому относится. Такого рода примѣчанія способны лишь сбить читателя съ толку. Встрѣтивъ сомнѣніе въ принадлежности известнаго стихотворенія Пушкину, г. Ефремовъ долженъ былъ выяснитъ это сомнѣніе, рѣшитъ вопросъ такъ или иначе, а не перепечатывать стихотвореніе въ которомъ онъ сомнѣвается. Любопытно было бы знать удовольствовался ли бы онъ простымъ заявленіемъ г. Анненкова о томъ что „это стихотвореніе *несомнѣнно* принадлежитъ Пушкину?“

Въ библиографическихъ примѣчаніяхъ къ 5му тому, который, какъ уже знаютъ читатели, появился послѣ шестаго и составляетъ заключеніе изданія, въ библиографическихъ примѣчаніяхъ къ пятому тому г. Ефремовъ касается наконецъ тѣхъ возраженій которыя дѣлались критикой противъ хроноло-

гическаго порядка размѣщенія произведеній Пушкина. Читатели припоминаютъ, быть-можетъ, что въ предисловіи къ первому тому г. Ефремовъ не объяснялъ даже причинъ заставившихъ его избрать этотъ порядокъ. Онъ просто заявлялъ что „единственный“ порядокъ возможный для изданія „предвѣдущаго“ быть хорошимъ есть порядокъ хронологическій. *Sic volo, sic jubeo; sit pro ratione voluntas.* Для большинства читающей публики нѣтъ ничего внушительнѣе именно такой формы заявленія со стороны ученаго критика. Если этотъ ученый критикъ говоритъ что хронологическій порядокъ есть *единственно возможный* для хорошаго изданія и не поясняетъ при этомъ причинъ, то публика немедленно приходитъ къ заключенію что причины эти столь ясны и извѣстны всѣмъ умнымъ людямъ что не требуютъ ни перечисленія, ни разъясненій. Каждому приятно показать себя умнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ, и каждый съ важнымъ видомъ говоритъ какъ ему приятно встрѣтить наконецъ *хорошее* изданіе Пушкина, расположенное въ *единственно возможномъ*, хронологическомъ порядкѣ. Признаемся, мы не нашли въ заключительной отповѣди г. Ефремова о прелестяхъ хронологическаго порядка ни одного возраженія которое опровергло или просто поколебало бы наши доводы противъ этого хронологическаго размѣщенія. Г. Ефремовъ говоритъ что „несмотря на всѣ возраженія“ онъ все-таки „находитъ хронологическій порядокъ *единственно пригоднымъ* для полнаго собранія сочиненій“. На чемъ основано *главное* возраженіе противъ хронологическаго порядка? спрашиваетъ г. Ефремовъ и отвѣчаетъ: *на непривычку* нашей къ такого рода изданіямъ. „Въ послѣднихъ англійскихъ изданіяхъ Шекспира“, говоритъ онъ, „одинъ советъ помѣщается между двумя лятиактными драмами и этого не находятъ *пестрымъ*“. Неужто и теперь еще приходится повторять стихъ самого же Пушкина: *что нужно Лондону, то рано для Москвы?*“

Итакъ, ларчикъ открывается просто. Г. Ефремовъ хотѣлъ сдѣлать изданіе его на заграничный ладъ, по образцу „послѣднихъ“ англійскихъ изданій Шекспира. Не можетъ быть спора о томъ что заграничныя изданія во всѣхъ отношеніяхъ могутъ и должны служить примѣромъ и образцомъ нашимъ издателямъ. Только *cum grano salis*. Мы ничего не имѣли бы возразить противъ хронологическаго изданія г. Ефремова,

еслибъ у насъ, по примѣру Англіи, Германіи, Франціи, существовали сотни различныхъ цѣныхъ изданій Пушкина, какъ существуютъ они для Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера. Мы ничего не имѣли бы возразить ни противъ такого изданія, ни даже противъ какого-либо издательскаго куріоза, въ родѣ напримѣръ италіянскаго *Dantino*, еслибы все это являлось послѣ удовлетворенія главныхъ, основныхъ потребностей, послѣ удовлетворенія потребности вообще имѣть сочиненія Пушкина. Пока не удовлетворена эта потребность, пока мы, благодаря г. Исакову, поставлены въ жалкое положеніе не имѣть возможности купить себѣ сочиненія Пушкина, указаніе на „последнія“ англійскія изданія Шекспира звучитъ странно. Еслибъ у Шекспира встрѣчались *такія* стихотворныя мелочи каковы многія изъ Пушкинскихъ, то можно быть увѣреннымъ что ни одинъ Англичанинъ не далъ бы въ руки ни женѣ, ни матери, ни сестрамъ, ни дѣтямъ изданія въ которомъ, ради хронологическаго порядка, стихотворенія эти были бы помѣщены рядомъ съ дѣйствительными твореніями поэта, твореніями которыя одни достойны носить его имя. „Что рано Лондону“, ужели это „*нужно* для Москвы?“ Не будемъ уже настаивать на томъ что г. Ефремовъ *отступилъ* отъ своего хронологическаго порядка въ отдѣлѣ прозы. Въ четвертый томъ „отдѣлены“ всѣ „чисто-литературныя прозаическія произведенія Пушкина“, въ пятомъ томѣ „размѣщена остальная проза“. Перетасовавъ стихи Пушкина и сдѣлавъ отдѣлъ стиховъ неудобочитаемымъ исключительно вслѣдствіе служенія хронологическому принципу, г. Ефремовъ не выдержалъ этотъ принципъ до конца и чрезъ это лишилъ свое изданіе оригинальнаго отпечатка который лежалъ бы на немъ: отпечатка вполне послѣдовательно проведенной основной мысли. Чтобы вполне провести свой хронологическій принципъ г. Ефремову слѣдовало бы отбросить дѣленіе на стихи и прозу и просто располагать по годамъ и мѣсяцамъ все то что дошло до насъ изъ произведеній Пушкина. Мы по крайней мѣрѣ имѣли бы тогда картину литературной дѣятельности Пушкина изъ года въ годъ. Въ связи съ біографіей Пушкина такая картина дѣятельности по годамъ имѣла бы извѣстный интересъ и изданіе во всякомъ случаѣ было бы дѣйствительно оригинальнымъ. Теперь мы имѣемъ предъ собою изданіе которое не удовлетворяетъ ни существеннымъ потребностямъ публички, ни требованіямъ или интересамъ специалистовъ. Ошибки всегда

возможны и никто отъ нихъ не застраховалъ. Не слѣдуетъ только ставить ошибки себѣ въ заслугу. А прежде всего не слѣдуетъ подражать Лондону, когда дѣло идетъ о потребностяхъ и нуждахъ русской публики.

Стихотворенія Хейне (Гейне) въ переводахъ Мейснера. С.-Петербургъ, 1881. Шмиддорфъ.

„Съ уваженіемъ представляя эту книгу цѣнителямъ и почитателямъ неподражаемаго поэта, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Генриха Гейне (?), переводчикъ счелъ долгомъ назвать его здѣсь такъ какъ соотечественники покойнаго называютъ его въ своемъ отечествѣ.“

Таковы напутственныя слова которыми г. Мейснеръ снабжаетъ свои переводы изъ Гейне. Мы узнаемъ что переводчикъ представляетъ намъ свой трудъ „съ уваженіемъ“ и что онъ „счелъ долгомъ“ называть „покойнаго“ такъ какъ называютъ его соотечественники. Слово *Хейне* непріятно дѣйствуетъ на глазъ. Мы привыкли писать *Гейне* и не находимъ въ предисловіи г. Мейснера никакихъ доказательствъ въ пользу того чтобъ избранная имъ орѳографія была правильнѣе. Кто не знаетъ нѣмецкаго языка, тотъ едва-ли мало приблизится къ дѣйствительному произношенію фамиліи *Heine* будетъ ли эта фамилія писаться по-русски черезъ *Г* или черезъ *Х*. Давно извѣстно что въ языкѣ *l'usage est un tyran* и можно заранее быть увѣренными что орѳографія г. Мейснера не найдетъ себѣ подражателей. Дѣло совсѣмъ не въ томъ писать ли *Гейне* или *Хейне*; дѣло въ томъ чтобы взыскать за переводъ поэта дѣйствительно представить нѣчто художественное. Г. Мейснеръ довольствуется засвидѣтельствованіемъ публикѣ своего уваженія и ни однимъ словомъ не касается вопроса о томъ что побудило его предпринять свой трудъ въ виду существованія уже на русскомъ языкѣ множества другихъ переводовъ изъ Гейне. Мы предоставлены самимъ себѣ и знаемъ только что переводъ г. Мейснера предназначенъ для „цѣнителей“ и „почитателей“ неподражаемаго поэта „извѣстнаго у насъ подъ именемъ Генриха Гейне.“ Г. Мейснеръ перевелъ изъ *Neue Gedichte* и другихъ сочиненій Гейне болѣе двухсотъ стихотвореній. Переводъ его составляетъ цѣлую книгу въ 268 страницъ; „цѣнители“ и „почитатели“ были бы въ правѣ разчитывать на нѣкоторыя объясненія со стороны переводчика. Ихъ нѣтъ, и намъ приходится за